

в) *Власть торгового капитала.*

Что такое торговый капитализм?

— Это такой строй экономических отношений, при котором торговый капитал господствует над производством, является его руководителем.

С самого ли своего появления торговый капитал сделался руководителем производства?

— Нет, значительно позже. Вначале он не выходил за пределы собственно торговли и не вмешивался в организацию производства. Торговцы эксплуатировали тогда, главным образом, феодалов или помещиков или рабовладельцев, которые в свою очередь эксплуатировали крестьян или рабов, экономически всецело властвуя над ними. В древнем мире торговый капитал, хотя вырос до больших размеров, но так и не приобрел настоящей экономической власти над производством. На исходе же средних веков и в начале нового времени (века XII—XVI) торговому капиталу удалось подчинить себе мелких производителей — крестьян, кустарей (т.е. крестьян-ремесленников), городских ремесленников, и создать новые экономические отношения — домашнее капиталистическое производство.

В чем сущность домашне-капиталистического производства?

— В объединении мелких производителей властью скупщиков. Это происходит таким образом, что большое число мелких производителей, напр., положим, деревенских ткачей-кустарей, работает на одного скупщика; иногда в его руках бывает целый обширный район. Все они продают свой товар только ему, и, следовательно, находятся от него в зависимости, которая, большей частью, усиливается еще тем, что они ему задолжены: набрали денег за товар вперед или просто заняли, конечно, все это под ростовщические проценты. Уже и

в этих условиях они вынуждены вполне подчиняться его указаниям: какого качества товар работать, и в каком количестве, и к какому сроку; вынуждены они также соглашаться на цену, которую он назначит. Но зависимость еще возрастает, когда он же берет на себя доставку им материалов для работы, а особенно—когда он это делает в кредит. Тогда уже никакой самостоятельности у них нет: это просто раздача работы капиталистом на дом, и весь продукт ему принадлежит заранее; сам производитель не имеет права на продукт, потому что работает из чужого материала. Такую же власть захватывает над крестьянами кулак, когда систематически скупает у них хлеб, иногда еще заранее, «на корню», или когда дает им взаймы семена для посева, деньги на покупку орудий, на уплату податей, и пр. Во всех подобных случаях у капиталиста объединяются массы продукта, произведенные согласно его расчетам и указаниям и продаваемые им на рынке. Следовательно, хотя тут производство и выполняется руками мелких производителей, но оно есть *массовое производство для рынка*; а это—основная и общая черта всякого *капиталистического* производства.

В какой мере торговый капитал эксплуатирует подчиненных ему мелких производителей?

— Он развивает эксплуатацию до чрезвычайности; это настоящее «закабаление» производителя. Вначале капиталист, посредством понижения цены на принимаемый товар, отнимает в свою пользу весь прибавочный труд, так что хозяйство кустаря, или ремесленника, или крестьянина, едва только может нормально поддерживаться. Но обыкновенно на этом дело не останавливается. Стремясь увеличить свою прибыль, капиталист еще дальше понижает цену на товар, еще более повышает проценты по долгам. Чтобы удержаться, производитель удлиняет свой рабочий день до крайности, затем заставляет усиленно работать свою жену, детей,

вплоть до малолетних. Дело доходит у кустарей до того, что иногда 5—6-летние дети работают по 12—14 часов в сутки; и несмотря на это, хозяйство перестает мало-помалу сводить концы с концами, безнадежно бьется в долгах и уже не в состоянии поддерживать своих рабочих сил, которые начинают вырождаться. Тут не только прибавочный труд увеличен до крайности тем, что к работе отца семьи прибавляется работа других ее членов, и не только весь этот прибавочный труд присваивается капиталистом, но, кроме того, у семьи отнимается часть *необходимого* труда, часть заработка, *необходимого* для сохранения рабочих сил хозяйства.

При торговом капитализме можно ли считать закабаленное хозяйство мелкого производителя настоящим, особым хозяйством?

— Нет. Хотя у него имеется и мастерская и орудия, но это в действительности не его хозяйство, а маленькая частица хозяйства того торгового капиталиста, на которого он работает. Не только продукт его труда, в сущности, заранее принадлежит кулаку или скупщику, но когда тот достаточно закабалил его, то и мастерская и орудия лишь по видимости принадлежат производителю: капиталист может, основываясь на неоплатных долгах, во всякое время отнять у него все это и окончательно его разорить; а если не делает этого, так потому, что находит выгодным попрежнему его эксплуатировать вместе с семьей. На деле производитель уже не более как наемный работник капитала, и под видом уплаты за товар капиталист дает ему лишь жалкую сдельную плату.

А так ли смотрит на свое хозяйство сам закабаленный производитель?

— Нет, он продолжает обыкновенно считать себя самостоятельным хозяином, как прежде,—употребляет массу усилий, чтобы поправить свои дела и выбиться из

кабалы, не понимая, что капитал уже не выпустит его, и что при таких неравных экономических силах борьба безнадежна. Понять свое положение мешает ему то, что по внешности он остается *собственником* своих орудий, и ему кажется, что он работает на себя.

Как влияло развитие торгового капитализма на крепостное хозяйство в деревне?

— Несмотря на власть помещика, торговому капиталу обыкновенно удавалось добраться до крепостного земледельца и кустаря: кулачество и скупщичество помещику охватывали деревню. Помогал этому часто и сам помещик, заменяя для крестьян оброк натуральный (т.-е. в виде продуктов) денежным: крестьянин тогда вынужден был сам продавать свои продукты и попадал в руки скупщика. Государство тоже требовало с крестьян подати деньгами и тем гнало мужика к торговцу или к ростовщику. Большей частью таковые находились там же, из числа более зажиточных односельчан. Но когда таким образом к эксплуатации помещичьей прибавилась скупщическая и ростовщическая, то положение крепостных стало окончательно невозможным, и в разных странах стали происходить крестьянские восстания (были они и в России: бунт Разина, бунт Пугачева и бесчисленные мелкие бунты в отдельных местностях до и после того). Долго эти восстания подавлялись государством, которое охраняло интересы помещиков. Но с течением времени капиталисты стали находить, что крепостное право вредит их интересам и стесняет их экономическую деятельность. В самом деле, помещичья эксплуатация мешала расширению торгово-капиталистической уже тем, что мало для нее оставляла; кроме того, многим кулакам, уже составившим состояние, приходилось дорого откупаться от крепостной зависимости; и, наконец, капитал не мог развивать и распространять в деревне те промыслы, которые были для него выгодны,

без вмешательства и позволения помещиков. Торговый капитал тогда начал поддерживать борьбу крестьян за освобождение. Вскоре на его сторону стало и государство: оно нуждалось в деньгах, а задавленные крепостным гнетом крестьяне становились все более плохими плательщиками налогов, да и усмирение бунтов стоило дорого. Тогда помещики оказались не в силах удержать свою власть, и государство освободило крестьян; но при этом, чтобы не пострадали интересы помещиков, оно объявило всю ту землю, которая составляла крестьянские наделы, частной собственностью помещиков; у нас в России при этом разрешено было купить у помещиков свои прежние наделы; посредником в покупке было государство, и крестьяне должны были несколько десятков лет вносить ему выкупные платежи.—После освобождения крестьян торговый капитал мог уже свободно действовать в деревне и окончательно завладеть ее хозяйством.

Как повлияло развитие торгового капитала на ремесленную организацию в городах?

— Оно вызвало ее постепенный упадок и разложение. Ремесленники дольше сопротивлялись торговому и ростовщическому капиталу, чем кустари, но все же не устояли. Когда он стал отбирать от них прибавочную стоимость, то мастера начали применять всевозможные способы, чтобы только поправить свои дела. Все чаще нарушались, тайно и явно, постановления цехов о длине рабочего дня, о числе подмастерьев, о количестве и качестве товара. Эксплуатация подмастерьев и учеников делалась все более суровой: их уже отделили от семьи хозяина, хуже кормили, хуже одевали, заставляли больше работать. Цехи ставили все больше затруднений их вступлению в мастера: придирчивые экзамены на мастера, требование больших залогов и пр. Подмастерья боролись против всего этого, объединяясь в союзы или

«братства», действуя стачками и бойкотом («бойкот» — *прекращение сношений* с какими-нибудь лицами или организациями: отказ наниматься к ним, покупать их товары, иногда — и разговаривать с ними, и пр.). Временами союзы подмастерьев одерживали победы; но прочного успеха быть не могло; борьба велась против мастеров, но дело было не в них, а в эксплуатировавшем их торговом капитале. Цеховая организация продолжала существовать, но ее единству, силе и богатству пришел конец. Ремесленник, работая на купца, на ростовщика, стал в действительности их наемным работником, но сам, разумеется, не сознавал этого, продолжал верить в свое хозяйство и выбиваться из сил, чтобы вернуть ему независимость. Все это можно наблюдать и теперь, в крупных и мелких городах, где ремесленники работают на магазины или на вывозящих товар торговцев; не лучше, обыкновенно, их положение и там, где они работают на заказчика, но получают от торговца в кредит материал, а также и деньги для поддержания падающего хозяйства — конечно, под ростовщические проценты. Теперь, правда, положение значительной части ремесленников ухудшилось еще сильнее, потому что их душит, вдобавок, и конкуренция промышленно-капиталистических предприятий.

Какие силы при меновом хозяйстве и, в частности, при торговом капитализме ведут к развитию производства?

— Жажда накопления и конкуренция. Жажда накопления побуждает расширять производство и усиливать эксплуатацию. Конкуренция заставляет капиталиста искать способов без ущерба для себя понижать цену товаров; а этого он может достигать всего вернее тем, что вводит улучшения в технику и в организацию производства. Этим был вызван и переход к промышленному капитализму.

V. Капитализм промышленный.

а) Промышленно-капиталистическое предприятие.

В чем заключается сущность перехода от торгового капитализма к промышленному?

— В том, что капитал, лишив мелких производителей их собственного хозяйства, собирает их в свою мастерскую, фабрику, завод, вообще в *крупное предприятие*, и там их рабочими силами ведет производство, присваивая себе прибавочную стоимость.

Как организовано промышленно-капиталистическое предприятие?

— Капиталист нанимает рабочих, т.-е. заключает с ними договор *о покупке их рабочей силы на определенное время*. Затем он помещает их в свое предприятие, там дает им орудия и материалы труда и заставляет их работать, так чтобы они выполняли, сверх необходимого труда, прибавочный. Продукт их работы капиталист присваивает и продает, причем получает прибыль—результат прибавочного труда рабочих.

Какие видны из этого основные условия промышленного капитализма?

— Во-1) необходим *достаточный капитал* в руках предпринимателя, чтобы он мог дать в руки всех своих рабочих средства производства и платить им заработную плату до продажи продукта; другими словами, необходимо *первоначальное накопление капитала*. Во-2) на рынке должна иметься для продажи *свободная рабочая сила*; другими словами, требуется *первоначальное накопление свободной рабочей силы*.

Как произошло первоначальное накопление капитала?

— Путем предыдущей эксплуатации торговой, ростовщической, крепостной, рабовладельческой, военного

ограбления и пр. В Европе крепостное хозяйство сосредоточивало в руках помещиков большие богатства; в колониях, особенно со времени открытия Америки, богатства еще более огромные составлялись путем торгового обмана туземцев, не знавших стоимости европейских товаров, и путем насильственного захвата их имущества, а затем—путем обращения их самих в крепостное или рабское состояние и жестокой эксплуатации. Посредством торговли и ростовщичества эти богатства постепенно переходили в руки предприимчивых капиталистов, которые в то же время эксплуатировали крестьян, кустарей-ремесленников, у себя на родине. Так создались нужные капиталы.

А не могли ли они получаться, кроме того, путем трудового сбережения у мелких производителей?

— Нет. Сбережения, которые возможны в ремесленном или крестьянском хозяйстве, слишком малы по сравнению с капиталами, необходимыми для крупных предприятий; и, кроме того, эти сбережения в огромном большинстве случаев отнимаются потом силою торгового и ростовщического капитала. Есть экономисты, которые объясняют происхождение капитала бережливостью некоторых мелких производителей; но это—мнение, очевидно, не беспристрастное, а порожденное сочувствием интересам крупного капитала.

Как произошло накопление свободной рабочей силы?

— Во-1) путем *освобождения и обезземеления* крестьян; во-2) путем разорения свободных ремесленников, возрастания количества бездомных подмастерьев, для которых у мастеров не находилось заработка, и пр. Капиталу нужна рабочая сила, *свободная* не только в том смысле, чтобы работник не был рабом или крепостным и имел бы возможность сам продавать свою рабочую силу, но еще в другом смысле: он должен

быть «свободен» от средства производства, т.-е. не иметь собственной земли или мастерской и орудий, потому что только тогда он принужден продавать свою рабочую силу; а иначе он предпочел бы работать у себя и на себя. В некоторых европейских странах крестьян при освобождении прямо лишали земли, и те, которым не удавалось стать арендаторами у помещиков, или которые потом теряли эту аренду, превращались в свободных пролетариев, какие были нужны капиталу. У нас в России крестьян освободили с условием покупки их прежних наделов у помещиков, а часть земли и совсем от них отрезали в пользу помещиков; это повело к малоземелью и постепенному разорению значительной массы крестьян; кулачество тем скорее могло достигнуть этого, что и кроме выкупных платежей крестьяне были обременены тяжелыми податями и налогами. Так из крестьян выходило все возрастающее число пролетариев («пролетарий» — это человек, не имеющий собственности). Дворовые при освобождении сразу оказались пролетариями. Из разорявшихся ремесленников происходило тоже пополнение пролетариата. Таким образом для капитала накапливалась рабочая сила.

б) Техника и сотрудничество в капиталистическом предприятии.

Что побудило капиталистов перейти от торговой эксплуатации мелких предприятий к устройству крупных предприятий?

— Стремление повысить производительность труда, чтобы удешевить производство и увеличить массу продукта.

Как достигается это повышение производительности?

— Уже объединение рабочих в одном месте ведет к тому, что сберегается много труда. Построить, ото-

плать, освещать, ремонтировать одну мастерскую на 100 человек обходится несравненно дешевле, чем 50 мастерских, каждая на 2 человека; избегается также затрата энергии на доставку материалов в многочисленные мастерские и на доставку продукта из них в общее складочное место; устраняется ведение массы отдельных счетов на каждого мелкого производителя, и т. д. Но еще гораздо значительнее то повышение производительности, которое получается путем усиленной *специализации* работников предприятия, т.-е. разделения между ними труда на частичные, мелкие работы. Эта специализация была широко применена в *мануфактурах*, т.-е. в первоначально возникших капиталистических предприятиях, которые действовали *ручным трудом*. В ремесле, даже и при наибольшей его специализации, каждый отдельный работник приготавливает все-таки с начала и до конца целый продукт. В мануфактуре же производство какой-нибудь иголки или булавки было разделено на целые десятки специальных мельчайших операций, из которых каждая выполнялась особым работником; если, напр., один тянул проволоку для булавки, другой ее обрезывал, третий заострял и т. д., то и тот, и другой, и третий только этим и занимались, и ничем более. Человек превращался в машину для одного или нескольких простых движений. Но благодаря этому оказалось, что его можно и заменить машиной: построить механизм, который выполнял бы такие же движения, стало не так трудно. Это и было сделано промышленным капиталом, который перешел тогда к своей высшей стадии—*машинному производству*.

В какой степени этими способами увеличивается производительность труда?

— Уже мануфактурное разделение ручного труда часто в десятки раз увеличивает количество производимого продукта; с машиной же не только получается дальнейшее огромное возрастание, но даже возможен, пови-

димому, путем ее развития и совершенствования, *неограниченный* рост производительности труда. Часто приводится пример с булавочным производством. Ремесленник, выполняющий все дело с начала и до конца, едва ли мог бы приготовить несколько десятков булавок в рабочий день. Мануфактура, в которой труд был разделен только между 10 работниками, в XVIII веке давала ежедневно 48,000 булавок: на каждого приходилось по 4,800 штук. На одной современной фабрике в Америке 5 рабочих, управляя 70 машинами, производят 7,500,000 булавок в день — в среднем на человека по $1\frac{1}{2}$ миллиона. Тут, конечно, надо принять во внимание и лишний труд, который пошел на постройку самих машин; но все же сбережение труда громадное, тем более, что и машины теперь производят также с помощью машин.

Как вообще организовано сотрудничество в капиталистическом предприятии?

— Во-1) тут имеется сотрудничество авторитарное (власть—подчинение) между предпринимателем и рабочим. Капиталист первоначально сам был организатором во всем предприятии—лично всем распоряжался и руководил работами. Но по мере возрастания размера предприятий это становилось затруднительным, а затем и прямо невозможным: предприниматель тогда нанимает старших мастеров, техников, инженеров; они ведут работы, а сам он отходит от производства. Сначала он сохранял за собою все же одну часть организаторской работы, а именно конторскую, бухгалтерскую, по найму рабочих, по продаже товара; но потом и это было передано еще другим наемным служащим—директорам, бухгалтерам, торговым агентам и пр. Капиталист окончательно устранился из сотрудничества и свел свою экономическую роль к одному присвоению; организаторское руководство над рабочими перешло к служащей по найму интеллигенции. Между рабочими же вначале, при руч-

ном труде мануфактур, господствовала крайняя специализация, которая их разъединяла: когда работа одного совершенно иная, чем работа другого, то и связи между людьми мало, один другому редко может помочь в его труде делом или советом; а так как сложность работы разная, то и заработная плата значительно различается, и не чувствуется общности интересов. При развитии машинного производства все это изменяется: труд становится, во-1) *однороднее* и во-2) *сознательнее*. Однороднее он потому, что дело работника сводится к управлению машиною, надзору и контролю над нею; а эта работа и при разных машинах остается в общем сходною; разнородные же движения рабочим инструментом, действующим на материал, выполняет не рука рабочего, а машина: специализация переносится на машину. Сознательнее работа потому, что в ней суть составляет *внимание и понимание* в обращении с машиною; чем сложнее машины, тем больше этого требуется, и потому работник должен обладать известной *интеллигентностью*, которая при ручном труде не была необходима. Однородность и сознательный характер работы усиливает связь и общение между работниками, обмен опыта между ними, помощь друг другу, когда в ходе работы возникает затруднение, непосильное для одного, поддержку в разных случаях, и т. д.; сотрудничество развивается в форму *товарищескую*. Следовательно, основу трудовой организации в современном капиталистическом предприятии составляют: авторитарное сотрудничество сверху, товарищеское — снизу.

Насколько широки размеры сотрудничества в капиталистических предприятиях?

— Они возрастают в огромной степени. Величина предприятий становится все значительнее. Во времена мануфактур отдельное предприятие объединяло десятки, очень редко — сотни рабочих. Теперь — даже в такой отсталой стране, как Россия, много фабрик и заводов,

насчитывающих тысячи рабочих; есть и такие, в которых не один десяток тысяч. В Германии артиллерийский завод Крупна объединял еще до войны около 70,000 рабочих. И это возрастание предприятий продолжает идти вперед.

Какой вид имеет капиталистическое предприятие в сельском хозяйстве?

— В основных чертах такой же, как и в промышленности. Крупный землевладелец или арендующий у него землю капиталист, «фермер», нанимает рабочих, «батраков», дает им средства производства и, применяя таким образом их труд, присваивает себе прибавочную стоимость.

Не представляют ли, однако, предприятия сельскохозяйственные некоторых отличий от промышленных?

— Да, известные отличия есть. Там нельзя было применить такой специализации ручного труда, как в мануфактурах: операцию, напр., пахання или сеяння, косьбы, нельзя разделить на составные части, да и выполняются все они в разное время, так что все их удобнее выполнять одним и тем же работникам. Поэтому в земледелии переход прямой от ручного труда к машинам; он происходит значительно позже, чем в промышленности, потому что земледельческие машины могли быть изобретены лишь тогда, когда научные способы производства машин достигли довольно высокого развития. Затем, самое введение машин не вызывает в земледелии такого резкого повышения производительности труда, как в промышленном деле. Конечно, сеялка, жнея, молотилка, косилка сберегают немало труда; но рядом с ними должно сохраняться много чисто ручной работы; и кроме того, они мало имеют влияния на урожайность, которая так важна в земледелии.

Далее, земледелию свойственно неравномерное распределение труда по временам года; в одни периоды рабочая сила требуется усиленно, в другие предприятие нелегко ее использовать.

Благодаря всему этому, крупное производство в земледелии не столь резко превосходит по выгодности мелкое и развивается не столь быстро, как в промышленности. Деревня и тут экономически отстает от города; для разных стран эта отсталость проявляется в разной степени; у нас она проявляется сильнее, чем в передовых государствах.

в) *Стоимость рабочей силы.*

Как велика стоимость рабочей силы?

— Рабочая сила в организме работника постоянно вновь и вновь производится потреблением жизненных средств—пищи, одежды и пр. Потому стоимость производства рабочей силы и есть стоимость этих предметов потребления, т.-е. количество труда, необходимое в обществе для их производства. Сообразно с этим и на рабочем рынке обычная ценность рабочей силы равна ценности средств потребления рабочих; такова и бывает *нормальная заработная плата*.

Входит ли в нормальную заработную плату стоимость потребления всей семьи работника?

— Да, если из всей семьи обычно работает один человек—отец семейства. Но если входит в употребление на фабриках и заводах труд женщин и детей, как это всюду наблюдается с развитием машинного производства, то уже только *вся вместе* плата, получаемая всеми обычно работающими членами семьи, должна покрывать стоимость нормального потребления всей

семьи. Соответственно этому, капиталисты и понижают плату.

2) Переменный и постоянный капитал и прибавочная стоимость.

Весь ли капитал предпринимателя имеет свойство приносить ему прибавочную стоимость?

— Нет, не весь. Так как прибавочная стоимость создается трудом, затратою рабочей силы, то и приносит прибавочную стоимость только на часть капитала, которая идет на покупку рабочей силы. Она называется переменным капиталом, потому что именно с ней происходит перемена величины, т.-е. присоединение прибавочной стоимости. Остальная же часть капитала, та, которая затрачивается на средства производства—на орудия, мастерскую, материалы,—не имеет этого свойства, не изменяет своей величины во время работы и называется постоянным капиталом. Материал истрачивается, орудия изнашиваются, мастерские понемногу тоже разрушаются; их стоимость входит, конечно, в стоимость товара, но входит именно столько, сколько истрачено, не больше.

Как же следует представить себе в целом стоимость товара?

— Она составляется из затраченного постоянного капитала, затраченного переменного и произведенной прибавочным трудом работников новой стоимости. Предположим, капиталист ведет ткацкое предприятие. Он нанимает 200 рабочих с платой за день по 50 коп., т.-е. затрачивает 100 рублей переменного капитала. За день они переработают пряжи, положим, на 3 рубля каждый, а всего на 600 рублей, будет при этом происходить изнашивание станков, мастерской, вообще—орудий; и хотя все это стоит, может быть, сотни тысяч,

но зато и служат—мастерская десятки лет, станки—целые годы, другие инструменты—месяцы, недели; так что *за день* работы изнашивается мастерская, напр., на одну десятичную, станок на одну тысячную, веретено на одну сотую и т. д.; если мастерская стоит 100.000 рублей, то это выйдет на день изнашивание 10 рублей; если каждый станок стоит тысячу, то за день от каждого из них истратится на 1 рубль, а от 200 станков—на 200 руб. и т. д. Пусть все это снашивание орудий за день составляет в сумме 300 рублей. Пусть работники работают по 10 часов; и кроме того, предположим, что 1 руб. есть количество золота, производимое на золотых приисках и рудниках в течение 10 часов простого труда (причем если есть сложный труд, то он уже заранее, предполагается, для наших расчетов сведен к простому). Посмотрим, какова окажется трудовая стоимость, а следовательно, и меновая ценность произведенной ткачами за день ткани.

Разумеется, и стоимость материалов—600 руб. и стоимость изношенной части орудий—300 руб. перейдут в стоимость товара; это составит 900 руб., что соответствует 9.000 часов простого труда. Войдет и заработная плата, потому что рабочие отработают ее. Они получают 50 коп. Если это действительная, нормальная стоимость рабочей силы, то это, значит, есть стоимость обычных предметов потребления, которыми рабочая сила поддерживается; 50 коп. соответствуют 5 часам простого труда. Таким образом, за 5 часов простого труда ткач и отработывает то, что получил от капиталиста в виде заработной платы, или, вернее, то, чего на деле стоит обществу сохранение рабочей силы; эти 5 часов составляют *необходимое рабочее время*. Но ткач работает 10 часов; другие 5 часов образуют, следовательно, *прибавочное рабочее время*; за это время и создается прибавочная стоимость; если выразить ее в деньгах, это будет еще 50 коп. Итого рабочий получает 50 коп., а про-

изводит новой стоимости, в течение 10 часов, 1 руб.: 50 коп. в течение необходимого и 50 коп.—в течение прибавочного времени. Всего 200 работников произведут новой стоимости 200 руб.: 100 руб.—необходимая часть ее, или возвращение затраченного переменного капитала, и 100 руб.—прибавочная.

Итак, вся стоимость товара-ткани получает следующий вид (если выразить ее в часах простого труда): Постоянный капитал (стоимость средств

труда).		9.000 часов.
Переменный капитал (стоимость рабочих		
сил)		1.000 »
Прибавочный труд 200 работников		1.000 »

В деньгах: постоянный капитал 900 руб., переменный капитал 100 руб., прибавочная стоимость 100 руб. Капиталист затратил $900+100=1.000$ руб., а продает товар, по его полной стоимости, за 1.100 руб. Отсюда его прибыль — 100 руб., ради которой он и ведет предприятие.

Как измерить степень эксплуатации рабочей силы в капиталистическом предприятии?

— В нашем примере необходимое время, то, в которое работник работает *на себя*, равно 5 часам, а прибавочное, которое он работает на выгоду капиталиста, тоже равно 5 часам; или, иначе, переменный капитал на 1 рабочего в день 50 коп., а прибавочная стоимость — тоже 50 коп. Это и дает нам меру эксплуатации; она называется *нормой прибавочной стоимости* и высчитывается в процентах; тут она будет 100% . Если бы капиталисту удалось увеличить рабочий день до 12 часов, то прибавочный труд был бы уже не 5 часов, а целых 7, прибавочная стоимость, в деньгах, — 70 коп.; и мера эксплуатации была бы больше, не 100% , а 140% .

В современном обществе, по статистическим, весьма приблизительным, подсчетам, обычная норма прибавочной стоимости оказывается между 100% и 150% .

Значит ли это, что капиталисты получают от 100 до 150% прибыли на свой капитал?

— Нет. Норма прибавочной стоимости показывает, насколько доля капиталиста в новой стоимости больше или меньше доли рабочих, и потому получается сравнением прибавочной стоимости с одним *переменным* капиталом. Но предприниматель ведет расчет своей прибыли иначе, он смотрит на то, сколько процентов она составляет на *весь* затраченный им капитал, и постоянный и переменный. В нашем примере он затратил 900 руб. постоянного и 100 руб. переменного капитала, а всего 1.000 руб., и прибавочная стоимость—100 руб.—равняется всего 10% на эту сумму. Эти 10% представляют *норму прибыли*, т.-е. меру выгодности предприятия для капиталиста. Здесь она в десять раз меньше, чем норма прибавочной стоимости, потому что весь капитал в десять раз больше, чем один переменный.

Вообще, различает ли капиталист значение постоянного и переменного капитала?

— Нет, капиталист считает, что *весь* капитал дает ему прибыль, и потому для него нет разницы между постоянным и переменным. Его интересует другое различие: какая часть капитала *скорее* приносит ему прибыль и какая *медленнее*. То, что он затратил на *рабочих*, и то, что он затратил на *материалы*, возвращается к нему с прибылью при каждой продаже товара; и всю эту часть капитала он называет *оборотной*. Напротив, то, что он затратил на *орудия* (на мастерскую, станки, инструменты), возвращается к нему не сразу при первой же продаже товара, а постепенно, по частям, в целом ряде продаж, по мере того, как эти орудия снашиваются. Эту долю капитала он называет *основной*. Не надо смешивать различие основного и оборотного капитала с различием постоянного и переменного; это — два разных способа рассчитывать, две точки зрения на капитал, свойственные одна—предпринимателю, другая—рабочему.

д) Способы увеличивать прибавочную стоимость.

Какими способами капиталист может увеличить прибавочную стоимость, получаемую в предприятии?

— Он может, во-1), прямо увеличивать количество труда, выполняемое рабочим; при этом *необходимый труд* остается прежний, значит — *прибавочный труд* возрастает. Во-2) предприниматель может уменьшать количество *необходимого труда*; так как общая сумма труда остается прежняя, то прибавочная часть его опять-таки возрастает.

Каким образом может быть увеличено количество труда рабочих?

— Во-1) простым *удлинением* рабочего дня, во-2) *увеличением интенсивности* (напряженности) труда. Если бы, в нашем прежнем примере, ткацкому фабриканту удалось, напр., постепенным увеличением скорости машин, усилить напряженность труда в полтора раза, то ежедневные 10 часов означали бы, в действительности, 15 часов прежнего, обычного труда; прибавочный труд был бы не 5, а 10 часов, т.-е. мера эксплуатации возросла бы вдвое (200%).

До каких пределов возможно удлинение рабочего дня?

— Две силы ставят предел этому удлинению: во-1) выгода самих капиталистов, во-2) сопротивление рабочих. Если удлинение чрезмерно, напр., до 17—18 часов (как это бывало, и даже сейчас бывает местами в наиболее отсталых производствах), то понижается напряженность труда вследствие ослабления организма работников, и количество труда не возрастает, или даже уменьшается. Отдельно взятый, капиталист обыкновенно не думает об этом, но *государство*, которое есть общая организация, охраняющая интересы *всего класса* капитали-

стов, наблюдая вырождение рабочих масс от чрезмерного труда, может найти в нем опасность для себя, так как рабочие массы—основа всего богатства страны и источник ее военной силы; тогда государство *законом* сокращает рабочий день. Впрочем, до сих пор в истории не случалось, чтобы оно обратило внимание на эту опасность и приняло меры против нее, пока не начиналось массовое, организованное противодействие чрезмерной эксплуатации самих рабочих. Тогда для государства является еще одно очень сильное побуждение удовлетворить требования рабочих: именно, желание умиротворить их и восстановить нарушенное спокойствие общественной жизни. Так было в Англии, в России и в других странах. Само же по себе классовое противодействие рабочих может достигнуть большего или меньшего сокращения рабочего дня, смотря по тому, насколько оно энергично и организовано. Поэтому и теперь в разных странах величина рабочего дня различается значительно. Так, в Англии, в Соедин. Штатах, где сильны профессиональные союзы рабочих, величина эта значительно меньше, чем в России. В России она также была сокращена в эпоху наиболее энергичного рабочего движения, в 1905—6 годах, а затем вновь была увеличена с его упадком; теперь опять сокращена с новым подъемом рабочего движения.

При сокращении рабочего дня уменьшается ли на деле количество труда?

— До сих пор обыкновенно бывало не так: сокращение рабочего дня вскоре более чем вознаграждалось возрастанием интенсивности труда. Так было в Англии при уменьшении рабочего дня до 12 часов, с 12 до 11, затем до 10 часов, в иных производствах до 9. Есть все основания думать, что при нормальных условиях жизни и развитии работника 8-часовой рабочий день принесет не уменьшение, а увеличение количества труда.

Какими способами уменьшается необходимое рабочее время?

— Капиталист может иногда понижать заработную плату так, что она не покрывает стоимости нормальных средств потребления для работника, но это, собственно, не есть уменьшение необходимого рабочего времени, которое соответствует попрежнему стоимости предметов *нормального* потребления; это есть только присвоение капиталистом, сверх прибавочного труда, еще некоторой части необходимого труда, за счет ослабления и подрыва рабочей силы. Настоящее уменьшение необходимого рабочего времени происходит для всех капиталистов сразу, тогда, когда понижается стоимость предметов потребления рабочего класса; а это, очевидно, бывает в том случае, если повышается производительность труда в тех отраслях, которые производят эти предметы потребления, напр., в земледелии, скотоводстве, ткацком деле и пр. Так, если стоимость хлеба на рабочего с его семьей составляла 10 коп. в день, или 1 час простого труда, и если вследствие улучшений в земледелии то же количество хлеба удешевляется до 5 коп. или $\frac{1}{2}$ часа простого труда, то стоимость рабочей силы, а с ней необходимое рабочее время оказывается на $\frac{1}{2}$ часа меньше: вместо 5 час.— $4\frac{1}{2}$ часа, а прибавочное *на* столько же возрастает: вместо 5 час.— $5\frac{1}{2}$ час. Волею отдельного капиталиста такое общее изменение необходимого времени достигнуто быть не может—оно зависит от развития целых обширных отраслей производства.

А нет ли способов и для отдельного предпринимателя уменьшить необходимое время в своем предприятии?

— Такой способ есть. Он состоит в том, что капиталист у себя увеличивает производительность труда *выше средней производительности*, какая существует в его отрасли. Напр., он вводит такую машину, которой

другие предприниматели еще не знают или не успели у себя ввести. В результате, его рабочие успевают за 10 часов труда сделать с ее помощью столько, сколько в других предприятиях делается, положим, за 20 часов. Каждый час их работы идет за 2 часа среднего общественно-необходимого труда, который образует стоимость товара. Тогда они отработают заработную плату, вместо 5 часов, в $2\frac{1}{2}$ часа, и все остальное время будет прибавочным— $7\frac{1}{2}$ часов, вместо 5. Норма прибавочной стоимости окажется 300%.—Отсюда стремление капиталистов повышать производительность труда введением новых и новых, все более совершенных машин.

Может ли такое выгодное для отдельного капиталиста положение остаться навсегда?

— Нет. Конкуренция заставляет других капиталистов как можно скорее ввести ту же машину, и тогда выгода его положения теряется. Получается общее повышение производительности труда в этой отрасли. Раньше, когда такое повышение имелось у одного предпринимателя, продукт обходился ему дешевле обычной стоимости, но продавался по обычной стоимости. Теперь же эта обычная стоимость сама понижается: товар удешевился, потому что общественного труда в среднем на его производство идет меньше; и час труда работников с новой машиною идет уже не за 2 часа, а опять за час обычного труда; необходимое рабочее время для всех попрежнему 5 часов. Для общества же в целом получается прогресс: повышение производительности труда.

е) Резервная армия капитала.

Всегда ли капитал находит на рабочем рынке достаточную для своих надобностей рабочую силу?

— Кроме очень редких случаев,—да. Даже когда он значительно расширяет производство, у него не

оказывается недостатка в рабочей силе, потому что к его услугам имеется *резервная*, т.-е. запасная армия рабочих—безработные.

Откуда же берется эта армия безработных?

— Сам капитал создает ее для себя. Он делает это, во-1) силою *конкуренции*, во-2) силою *машин* и вообще *технического прогресса*. Своей конкуренцией крупный капитал губит сначала ремесленников, кустарей, вообще мелких производителей; им приходится тогда выносить на рынок свою рабочую силу. Затем и среди капиталистических предприятий более крупные, будучи экономически сильнее, побеждают и разоряют более мелкие, выбрасывая на улицу и их владельцев и их рабочих. Главным средством для этого служит введение новых и новых машин и других технических улучшений, повышающих производительность труда. Но эти машины и улучшения создают безработицу еще иным путем—просто вытесняя и замещая часть рабочих. Чем лучше, чем совершеннее машина, тем большее число работников она делает ненужными для производства, выбрасывает в ряды резервной армии. Там они должны ожидать, пока их руки вновь потребуются капиталу. За последнее столетие машины во много раз увеличили производительность труда, и если бы размеры производства не возросли также во много раз, то лишь ничтожная часть рабочего класса имела бы заработок, а девять десятых его, или даже и того больше, были бы обречены на голодную смерть. Но как ни расширяется производство, оно никогда еще не поглощало целиком резервной армии безработных, и даже в таких странах, как Англия, Соед. Штаты, Германия, в годы наибольшего процветания имеется из общего числа рабочего населения по несколько процентов безработных. В годы промышленного застоя, и особенно кризисов число это страшно возрастает—на сотни тысяч, на миллионы человек.—В странах более отсталых, как у нас в России,

капиталист понижает расценку настолько, чтобы они и при усиленной напряженности труда получали лишь обычную плату. Чтобы удержать больший заработок, рабочий вынужден вновь повышать интенсивность работы, а тогда капиталист вновь понизит расценок, и т. д.

Какое значение имеют сроки расплаты для рабочего?

— Рабочий сначала работает, потом получает плату, т.-е., в сущности, он *ссужает* свою рабочую силу капиталисту до срока расплаты; но зато сам он это время вынужден жить в кредит, если не имеет сбережений. А за кредит всегда приходится, явно или в скрытой форме, переплачивать на цене продуктов. Поэтому для рабочего важны короткие сроки расплаты. В передовых странах и преобладает недельный срок; у нас еще весьма распространен и двухнедельный, встречается и месячный, и больше. У капиталиста деньги лежат в банке, и на них за это время идут ему проценты.

з) Рабочие организации.

Что такое «индивидуальный» договор о заработной плате, и что—«коллективный» договор?

— «Индивидуальный» договор—форма первоначальная; он заключается между *отдельным*, не связанным с другими, рабочим и отдельным капиталистом. Договор коллективный заключается между организацией рабочих одной отрасли труда—профессиональным союзом—и предпринимателем или союзом предпринимателей. Зародыш профессиональной организации рабочих представляет уже стачка; и зародышем коллективного договора являются те уступки, которые достигаются стачкой. Развитая же и сильная профессиональная организация часто может добиться выгодного коллективного договора, и не прибегая к стачке.

Способна ли профессиональная организация путем профессиональной борьбы и коллективных договоров дать вполне надежное и прочное улучшение условий труда?

— Это зависит от ее собственной силы, т.-е. от широты и прочности. Но, говоря вообще, даже самая сильная профессиональная организация не может безусловно обеспечить рабочим сделанные приобретения: ухудшение рынка, кризис, организация предпринимателей могут всегда вызвать перемену в положении; перевес окажется за другой стороной, и она тогда отбирает обратно свои уступки. Поэтому, во-1) профессиональная организация вынуждена всегда иметь в виду возможность новой борьбы и готовиться к ней; во-2) особенно важно политически закреплять те приобретения, какие возможно, в виде *законов о труде*; законодательно закрепленное сокращение рабочего дня, правила об ограждении рабочих от несчастных случаев и вознаграждения за них, правила о границах штрафов и т. п. капиталистам переделать гораздо труднее: для этого приходится пускать в ход всю государственную машину, особенно в тех странах, где имеется парламентарный строй и где установленные правила не могут быть отменены простыми циркулярами чиновников. Такие приобретения на практике оказываются почти всегда вполне прочными.

Могут ли сами по себе профессиональные союзы достигать законодательного улучшения условий труда?

— В странах наиболее свободных, где им не запрещается политическая деятельность, им еще это удастся, как, напр., в Англии. Но и там практика показала, что нужны особые, политические организации рабочего класса, чтобы отстаивать его интересы в государственной машине, потому что профессиональные союзы мало приспособлены для политических целей. Изменить же в самой основе положение рабочего класса они тем

более не могут, потому что по самому характеру своей организации направлены на борьбу за улучшение условий жизни рабочих в пределах существующего экономического строя, т.-е. капитализма, а не за коренную перестройку общества.

Однако, значение профессиональных союзов заключается далеко не только в том, что они достигают частичных практических улучшений, облегчающих жизнь и развитие рабочего класса. Они вообще помогают сплочению рабочего класса в одно целое, связанное общими целями и сотрудничеством,—в *сознательный трудовой коллектив*. Они дают рабочему классу первоначальное организационное и деловое воспитание, необходимое ему и для того, чтобы отстаивать свои интересы в нынешнем обществе, и для того, чтобы подготовиться к делу его коренного преобразования, когда ход исторического развития сделает это возможным и необходимым.

Что такое кооперативная организация?

— Кооперативы или *потребительные общества* объединяют рабочих для того, чтобы они могли дешевле покупать предметы своего потребления. Кооператив закупает продукты *оптом*, следовательно, по более дешевым ценам, и уступает их своим членам без той надбавки, которую должны всегда делать в свою пользу обычные лавочники. Оставляя себе только часть разницы между оптовой и розничной ценой товаров, кооператив, при успешном ведении дел, накапливает средства, которые позволяют ему открывать собственные предприятия—булочные, мясные, прачечные, пивоваренные заводы (как делается в Германии) и т. п. Это дает ему возможность еще более понижать для своих членов цену на некоторые необходимые продукты. Часть прибыли кооперативов, когда ими руководят передовые и сознательные рабочие, употребляется нередко для просветительных целей, для поддержки профессиональной и политической жизни рабочего класса.

В какой мере кооперативы способны достигать улучшения условий жизни рабочих?

— Удешевление жизни рабочих, получаемое при помощи кооперативов, является сколько-нибудь прочным лишь тогда, когда другие рабочие организации, профессиональные и политические, достаточно сильны, чтобы не допускать понижения заработной платы. Иначе капиталисты, принимая в расчет удешевление продуктов для рабочих, соответственно понизят их плату, и, следовательно, отберут всю выгоду в свою пользу.

Как и профессиональные союзы, кооперативы особенно важны тем, что содействуют собиранию сил рабочего класса, его сплочению и организационному воспитанию, а также и воспитанию хозяйственно-деловому. В этом смысле они дополняют воспитательное значение профессиональных союзов: те, все-таки, организации, главным образом, *боевые*; в кооперативах же на первом плане чисто *хозяйственная* сторона. Впрочем, и в классовой борьбе рабочих с предпринимателями кооперативы могут играть крупную роль своею поддержкой профессиональных и стачечных организаций, а также отпуском в кредит продуктов для бастующих.

Что представляют кооперативы не-рабочие и смешанные?

— Это—такие же потребительные общества, составленные либо из крестьян, из кустарей, ремесленников, из интеллигентных служащих разных предприятий, либо из смешения подобных же элементов между собою и с рабочими.

Наибольшее общественное значение имеют из таких кооперативов крестьянские. Они содействуют сплочению разрозненной массы мелких хозяев-крестьян; облегчают ей самозащиту от ростовщичества-кулачества; позволяют улучшать технику производства, сообщая заводу усовершенствованные орудия и машины, недоступные по цене отдельному хозяину, закупаая высшего сорта

семена, объединяя часто не только покупку продуктов и орудий, но также сбыт производимых крестьянами товаров.

Для рабочих участие в смешанных кооперативах невыгодно тем, что вообще не облегчает, а затрудняет их классовое сплочение, в частности же заставляет их подчиняться чуждым классовым интересам, когда рабочие не в большинстве.

Что такое производительные рабочие товарищества?

— Это—объединение рабочих, которые складывают свои сбережения и устраивают на паях общее предприятие, где сами являются хозяевами.

Какое значение для рабочих имеют такие товарищества?

— Они делают рабочих владельцами некоторого общего капитала и освобождают их от необходимости отдавать прибавочную стоимость капиталистам; поэтому, в случае успеха, они превращают своих членов в мелких капиталистов. При накоплении общего капитала, пайщики тогда отказываются допускать новых рабочих без соответственно крупных паев; а так как те, обыкновенно, не имеют таких денег, то пайщики нанимают их за обычную заработную плату и эксплуатируют их в свою пользу. Это происходит оттого, что, пока существует капитализм, производительные товарищества, развиваясь в его среде, не могут не быть капиталистическими предприятиями, должны конкурировать с другими капиталистами и, как они, отстаивать свою прибыль. Для рабочего класса они, поэтому, не полезны, кроме тех немногих случаев, когда они бывают связаны с профессиональными союзами и рабочими партиями, так что подчиняют свои выгоды их интересам, отдают им свою прибыль или большую часть ее. Надо прибавить, что производительные товарищества лишь редко имеют успех в слишком нерав-

ной конкуренции с огромными капиталами нашего времени, при враждебном или недоверчивом отношении капиталистов, с которыми одни должны иметь дела.

Что такое потребительно-производительные товарищества?

— Это—уже упомянутые нами кооперативы, которые заводят свои собственные предприятия для производства массовых продуктов потребления рабочих (булочные, мясные, прачечные и т. п.). Такие ассоциации гораздо устойчивее, чем просто производительные, потому что гораздо меньше боятся конкуренции: им обеспечен сбыт продуктов среди членов всего кооператива. Имеется, затем, и то преимущество, что пайщиками являются все члены кооператива, а не маленькая группа—рабочие самого предприятия; поэтому гораздо менее возможно превращение пайщиков в мелких капиталистов, отрывающихся от рабочего класса с его общими интересами. А хозяйственно-деловое воспитание рабочим такие кооперативы дают, очевидно, наиболее разностороннее.

Имеют ли экономическое значение рабочие партии и вообще—политические рабочие организации?

— Да, имеют, и огромное. Все политические партии суть классовые и защищают общие интересы того или иного класса: партии консервативные обычно обслуживают интересы помещиков, либеральные—капиталистов, демократические—крестьян или городской бедноты. Рабочая партия есть организация классовой борьбы пролетариата за его общие интересы. Она отстаивает, напр., свободу стачек, свободу союзов, добивается законов о сокращении рабочего дня, и т. д. Она же ставит себе и более широкие экономические задачи: собирает силы и подготавливает способы и средства для коренной перестройки всего общества в интересах рабочего пролетариата.

и) Прибыль и рента.

Представляют ли капиталисты единый общественный класс?

— Нет. В их среде существует много различий интересов, и благодаря этому они делятся на множество *групп*, часто вступающих в борьбу между собою. Так, напр., для машиностроителей нужны высокие цены на машины, а для всех прочих капиталистов, покупающих машины, это невыгодно; для заводчиков, выплавляющих чугун, железо и сталь, желательно повышать цену этих металлов, для машиностроителей, напротив, прямая выгода понижать ее. Капиталисты торговые, купцы, образуют особую группу от промышленных; банкиры, занимающиеся кредитом, т.-е. торговлей деньгами, — также особую группу. Купцам фабриканты и заводчики должны уделять часть производимой у них прибавочной стоимости в виде скидки на оптовых ценах товаров, банкирам — в виде процентов по занятым деньгам: понятно, что каждая сторона хочет взять себе больше, уступить другой меньше. Но есть еще одно, более глубокое разделение, образующее из буржуазии два больших *класса*; это — 1) собственно капиталисты, 2) землевладельцы.

В чем сущность различия этих двух классов?

— В характере их собственности. Обыкновенный капитал имеет форму орудий, товаров, денег; количество этих вещей может быть увеличено путем производства. Земля же — капитал особого рода: ее количество ограничено, и увеличить его нельзя. Между тем, для производства земля всегда — необходимое условие; чтобы вести предприятие, капиталист непременно должен владеть землей или арендовать ее. Это ставит капиталистов, большинство которых, обычно, не владеют землею, в известную зависимость от землевладельцев. Еще для предприятий промышленных, торговых, кредитных, тре-

буется сравнительно очень немного земли; но в сельскохозяйственных и в горных требуется гораздо больше, и ее качества имеют огромное значение для успешности дела. Всюду капиталисты принуждены отдавать часть прибавочной стоимости землевладельцам за право приложения труда и капитала на их земле. Эта часть называется *земельной рентой*, тогда как доля собственно-капиталистов называется *прибылью*. Понятно, что особенно важную роль земельная рента играет в сельском хозяйстве и горном деле.

Как велики размеры доли капиталистов и доли землевладельцев в разделе общественной прибавочной стоимости?

— Это бывает различно, в зависимости от экономической силы той и другой стороны. Чем больше плотность населения, чем труднее для капиталистов найти свободные участки под свои предприятия, тем больше могут требовать землевладельцы, тем выше рента. Чем крупнее и малочисленнее капиталы и чем легче они могут переноситься из одной страны в другую, тем более землевладельцы должны сокращать свои аппетиты, тем ниже их рента.

— С разных по качеству участков рента бывает весьма различной величины. Предположим, что землевладелец сдает в аренду под сельское хозяйство капиталистам несколько участков, неодинаково плодородных. Очевидно, что даже самый плохой участок он не сдаст даром. Пусть этот участок приносит всего чистого дохода 1.200 рублей. Арендатор примет в расчет, сколько капитала он должен затратить на свое дело, допустим, 10.000 рублей; если *обычная* в стране прибыль предпринимателей 10% на капитал, то капиталист должен взять себе не меньше 1.000 руб. и не согласится, следовательно, платить владельцу земли больше 200 руб., иначе просто предпочтет направить капитал в иные предприятия. 200 руб. и составят здесь ренту. Но другие

участки, будучи плодороднее, с такой же затратой капитала приносят больше доходу, потому что в них труд рабочих *производительнее*, хлеба получается больше, а продается он по той же цене, зависящей от общественно-необходимого количества труда на производство пуда хлеба. Доходность другого участка будет 2.000 руб., третьего—3.000. Землевладелец за аренду лучшей земли и требует больше. Он согласен оставить капиталисту обычную прибыль, 1.000 руб., а остальное хочет взять себе, т.-е. со второго участка ренту в 1.000 руб., с третьего—в 2.000 руб. И это ему удастся, потому что если бы один капиталист захотел оставить себе больше, то найдутся конкуренты, которые набавят цену, и в борьбе между собою они будут набавлять ее, пока доля арендатора не сведется к обычной прибыли. Следовательно, всю выгоду от высокой производительности труда на лучшей почве землевладелец берет себе. Такова же и рента в горном деле с участков, менее богатых и более богатых минералами.

Почему в больших городах и вблизи от них даже бесплодные пустыри сдаются и продаются по огромным ценам?

— Тут имеет значение *близость устраиваемых на них предприятий к рынку*. Если для одной фабрики сбыт товаров имеется в двух верстах, а для другой — в двухстах, то понятно, сколько труда первая бережет на перевозке товаров, и какие издержки для нее избегаются, между тем как товар с обеих продается по одной цене. Всю эту выгоду землевладелец также отбирает в свою пользу в виде ренты за участок; и капиталист соглашается, потому что иначе его прибыль оказалась бы выше, чем у других, и нашлись бы тотчас конкуренты, которые повысили бы ренту и перебили бы удобный участок.—От этой же ренты зависит и страшная дороговизна квартир в больших городах, особенно ближайших к их центру.

По какой цене земля продается?

— Если участок приносит, напр., 1.000 руб. ренты, то владелец продает его только за такой капитал, который без труда для него самого приносил бы такую же сумму дохода, напр., будучи положен в банк. Если банки платят по вкладам 5⁰/₀, то этот капитал будет 20.000 руб.

Борьба интересов между капиталистами и землевладельцами, как общественными классами, настолько ли серьезна и решительна, как борьба интересов между капиталистами и рабочими?

— Нет. Оба высшие класса живут прибавочной стоимостью, и потому у них есть важнейший общий интерес—чтобы прибавочная стоимость была как можно больше, а стоимость рабочей силы, получаемая рабочими, как можно меньше.

к) Кредит.

Что такое кредитный капитал?

— Это высшая современная форма капитала ростовщического, торгующего деньгами. Основные отличия современного кредита: огромные размеры его операций и высоко выработанные, сложные их формы; главные заемщики—промышленные капиталисты, а не мелкие производители; торговля не только собственными деньгами, но еще больше—чужими, которые кредитный капитал специально для этого отовсюду собирает путем различных заемных операций, идущих рядом с его ссудными операциями.

Что такое кредитные документы?

— Это разного рода долговые расписки, составляемые по утвержденным законами образцам. Основной тип их—*векселя*. Вексель — обязательство в такой-то срок уплатить такому-то, или кому он прикажет, такую-то сумму. Эта сумма—«валюта»—заключает в себе, конечно, и действительный долг, и процентные деньги на него.

Векселя допускается передавать и продавать. Вексель на богатого капиталиста или надежную фирму нередко употребляется для расплаты вместо денег, особенно в международной торговле: русский капиталист платит французскому пересылаемым по почте векселем на французца же, купленным у какого-нибудь другого русского капиталиста, имеющего дела с Францией. Этим избегается пересылка золота туда и обратно. Кроме векселей, существует еще масса других кредитных документов. К ним принадлежат разные «ценные бумаги» и «бумажные деньги». Главными центрами выпуска кредитных документов являются *банки* — кредитные организации капитала.

Чем вообще занимаются банки?

— Они получают кредит и оказывают его; первый род операций называется *пассивные*, второй — *активные*. Посредством пассивных операций банки стягивают в свои кассы чужие деньги; в активных операциях они пускают эти деньги под проценты; прибыль от них частью берут себе, отчасти же делятся ею с теми, от кого получили деньги в кредит. Обыкновенно в оборотах банков чужие деньги, им доверенные, во много раз превосходят их собственные капиталы.

Какие существуют главные пассивные операции?

— Во-1) прием вкладов (депозитная операция); во-2) выпуск банковых билетов (эмиссионная). Вкладчики отдают свои деньги в банк, и за то, что банк пользуется этими деньгами, получают на них известный процент (конечно, меньше того, который сами банки берут со своих должников). Вклады бывают на разные сроки, и без срока — «на текущий счет»; эти последние банк обязан выплачивать по первому требованию; поэтому и проценты на них он дает меньше, чем на срочные вклады, которые может пускать в оборот с уверенностью, что их не потребуют от него неожиданно и не затруднят этим

его кассу. Промышленные капиталисты оборотную часть капитала держат обыкновенно на текущем счету. Когда такой вкладчик хочет взять известную сумму из банка обратно, или заплатить ее кому-нибудь, то он пишет «чек», т.-е. записку за своей подписью на листке из книжки, отпечатанной по особой форме и выданной ему банком. Банк по чеку уплачивает обозначенную сумму предъявителю или записывает ее на собственный счет предъявителя, если тот этого желает. Широко применяются также «переводные чеки», которыми заменяется пересылка денег; напр., в Петербурге покупают в каком-нибудь банке переводный чек на состоящий с ним в деловых сношениях банк московский или берлинский и посылают в Москву или в Берлин, кому желают уплатить данную сумму. Получатель предъявляет перевод в банк, и там ему выплачивают деньги.

У большинства банков главные средства составляются из вкладов. Но есть банки «эмиссионные», которые выпускают *банковые билеты*. Банковый билет—это обязательство банка по первому требованию уплатить предъявителю ту сумму, какая на билете обозначена. По доверию к состоятельности банка, такой билет охотно принимают вместо настоящих денег; но понятно, что эту операцию могут с успехом широко применять только особенно солидные банки; обыкновенно это бывает специально разрешено им государством. Когда подобные билеты выпускает *государственный банк*, т.-е. государство при помощи собственных кредитных учреждений, или просто, когда их выпускает государственное казначейство, то они называются «бумажными деньгами» (кредитные билеты, ассигнации). Тот, кто принимает банковый билет или кредитку вместо денег, в сущности, оказывает банку или государству *беспроцентный кредит*. Конечно, беспроцентные займы очень выгодны для банков или для государства; но тот, кто берет банковый билет вместо денег, ничего не теряет, потому что ему стоит лишь поло-

жить этот билет, как вклад, в какой-нибудь банк, и будут получаться проценты по вкладу; для обращения же, особенно при больших суммах, банковые билеты удобнее золота и серебра.

Что такое «неразменные бумажные деньги»?

— Чтобы банковые билеты безопасно могли всеми приниматься, для этого банку надо иметь в своих подвалах достаточное количество золота, иначе он не мог бы разменять своих билетов, если бы их сразу много ему предъявили, и это было бы банкротство. Но, разумеется, никогда не бывает, чтобы *все* выпущенные билеты сразу были предъявлены обратно, и потому запас золота может быть меньше их суммы, даже в несколько раз меньше, если банк солиден и пользуется доверием. Государственные кредитные билеты должны также быть обеспечены золотым запасом казны, но этот запас часто может быть сравнительно еще меньше, потому что билеты обеспечены всем имуществом государства. Однако, если государство их выпускает слишком много, расплачиваясь ими по своим расходам, то доверие падает, владельцы кредиток предъявляют их и требуют золота; государство оказывается не в силах разменять их на золото и приостанавливает свободный размен. Но все же оно законом вынуждает подданных принимать эти бумажки и само принимает их, напр., в уплату податей. Тогда бумажки, ставшие «неразменными», падают в цене, и притом тем сильнее, чем больше их выпущено и чем более понизилось доверие к государству. Во Франции, в эпоху Великой Революции, правительство так наводнило ими страну, что получилось падение их цены на золото (или *курса*) в сотни раз. У нас, в России, в прошлом веке бывало понижение курса до 23 коп. золотом за рубль. Но развитие капитализма требует восстановления размена, потому что двойной счет, на бумажки и на золото, да еще с постоянными изменениями их ценности, страшно затрудняет и спутывает расчеты капиталистических предприятий. Так

и у нас, размен был восстановлен, причем правительство уменьшило золотой рубль в полтора раза (это было в конце прошлого века).

Какие существуют главные активные операции кредита?

— Во-1) ссуды под залог, и во-2) учет векселей (дисконт). Ссуды делаются под залог разного имущества, товаров, лежащих на складах, ценных бумаг, и т. п. Для капиталистов, пользующихся доверием банка, делаются иногда ссуды и без залога (личный кредит).

Учет векселей применяется тогда, когда лицо, имеющее вексель, желает получить по нем деньги до срока. Оно предлагает вексель банку; если банк находит, что вексель достаточно надежный, то покупает его, конечно, с вычетом процентов за то время, пока банку придется ждать уплаты, и еще с некоторой скидкой на риск банка.

Кому оказывают кредит банки?

— Тем, кто внушает им доверие, т.-е. крупным капиталистам. Но собирают они средства не только с крупных капиталистов, а отовсюду, принимая даже сравнительно мелкие сбережения. Для самых мелких сбережений устраиваются специальные банки — сберегательные кассы, государственные или частные. Такими путями даже сбережения какой-нибудь прислуги или рабочего, путем кредита, попадают в руки крупных предпринимателей и служат усилением их капитала. Делаются иногда попытки организовать кредит для мелких производителей — разные ссудо-сберегательные товарищества, банки для поддержки кустарей и пр. Но их экономическое значение ничтожно по сравнению с гигантским кредитом крупного капитала; выгоды от них, в конце-концов, обыкновенно достаются на долю торгового капитала, т.-е. скупщиков и магазинов, которые эксплуатируют мелких производителей. В общем, современный кредит увеличивает силу экономически-сильных, но отнюдь не слабых.